

От редактора рубрики

Время и пространство – базовые категории культуры. На переживании, осознании и интерпретации этих категорий строится любая культурная «грамматика». Протяженность, разнородность и связность пространств Дальнего Востока России давно стали его образом и отчасти брендом. Значительную роль в формировании образа отдельных районов играют локальные этнокультуры с уникальными практиками взаимодействия человека и природной среды. Понимание пространства культуры как физического ландшафта ее вмещающего и как «картины мира» в голове – основная, но не единственная оппозиция.

Согласно географическому определению, ландшафт представляет собой однородную по происхождению и развитию территорию, с присущими ей специфическими природными ресурсами. Сам термин *landschaft* пришел из немецкого, близок по смыслу к пейзажу или виду местности. В английском есть деление на *landscape* (the visible features of an area) и *region*. Принципиальная разница в том, что последний термин произведен от латинского *regere* – «править, управлять, направлять». Таким образом, регион понимается как «управляемый политическим обществом природный ландшафт». Данная смысловая нюансировка позволяет точнее определять границы и контекст употребления терминов. Для коренных малочисленных народов использование термина «ландшафт» более правомерно, так как их идентичность непосредственно связана с территорией проживания, что признается и законодательством (Закон о территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации и др.). То есть ландшафт – важнейший источник как юридических правоотношений, так и социокультурной идентичности.

Попутно заметим, что ландшафт (особенно культурный) в массовой культуре не имеет строгих смысловых границ и представляет собой совокупность точек с небольшими и неясно очерченными окрестностями, притом это представление центрировано по месту постоянного или рекреационного пребывания (В.Л. Каганский). Центром мира всегда выступает «идиоландшафт» конкретного индивида. Информационно-аксиологический подход (Ю.А. Веденин, М.Е. Кулешова и др.) ставит акцент на понимании культурного ландшафта как явления, в формировании которого значительную роль играют передаваемые в виде информации от поколения к поколению духовные и интеллектуальные ценности, которые, в свою очередь, испытывают на себе влияние материальных компонент ландшафта. Отдельные школы социологии и отчасти социальной антропологии отказываются придавать большое значение пространству или «территориальной идентичности» как автономной категории анализа, пространство социальной системы часто лишь подразумевается или имеет подчиненное значение. Для постиндустриальных стран в век современных транспортных и информационных технологий это кажется очевидным. «Мир без границ» стал возможен сравнительно недавно. Дело не в снятии – полном или частичном – визовых ограничений, а в первую очередь в технических возможностях ускорения коммуникации. Сначала посредством развития транспортных технологий случилась так называемая «смерть расстояний». С развитием средств связи и, позднее, сети Интернет произошли также изменения в мотивационных схемах движения людей. Вслед за снижением цены акта общения изменились и стили коммуникации. П. Бергер и Т. Лукман предлагали «игнорировать» пространственную структуру при исследовании мира повседневной культуры, обращая внимания только на временную. В географической науке пространство в его физических формах анализируется как морфологическая структура или условие хозяйства, где часто исследуется соотношение природных и антропогенных факторов его изменения. Фактор ландшафта как будто ушел из анализа повседневной жизни человека. Как следствие, из некоторых схем анализа исчезает «локальный человек» с его идиоландшафтным восприятием.

Еще одним аспектом исследования может служить маркирование географических границ и объектов – способ консолидации массового сознания и мобилизации общности (подобно гербу или флагу) вокруг географических объектов, осмысленных как важный элемент культуры в целом (река Волга, гора Фудзи и т.п.). Мы видим, что на уровне сельской культуры и в большей степени культуры коренных народов тонкое знание нюансов местности находит свое более полное воплощение в топонимике, локальной мифологии, легендах мест и отдельных объектов, народных промыслах и декоративном искусстве, нежели в современной урбанизированной среде.

В пределах Дальнего Востока России – от Чукотки до Приморья – проживает около двадцати народов, отнесенных законодательством к категории коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (примерно половина всего Перечня). Для всех их, места традиционного проживания являются базовым условием сохранения культуры и собственной идентичности. Сложность объекта – историко-культурного ландшафта (ИКЛ) – является необходимым основанием для междисциплинарных и кросскультурных исследований. В настоящем выпуске мы обратимся к анализу этнокультурного ландшафта как значимой части ИКЛ, произведенному как раз специалистами разных направлений – географами, этнологами, филологами. Откроет рубрику работа В.В. Бочарникова, посвященная обсуждению результатов геоинформационного картографирования этнических ареалов коренных малочисленных народов в ландшафтах и территориально-административных субъектах Дальневосточного федерального округа. Автор предлагает рассматривать крупные целостные территории дикой природы в качестве гарантированных государством возможностей сохранения природного разнообразия российского Дальнего Востока. Степень сохранности крупных природных геосистем (дикой природы) для физико-географических областей и крупных ландшафтных групп России Дальнего Востока различны. Также обсуждается значимость государственной поддержки традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера (КМНС) в качестве компоненты экологической политики как таковой.

Элементом символического «присвоения территории» является сакрализация пространства. В работе С.В. Березницкого анализируется как именно сакральные ландшафты коренных народов амуро-сахалинского региона (нанайцев, негидальцев, нивхов, орочей, удэгейцев, уйльта, ульчей, эвенков) оказывают ментальное влияние на процесс возникновения этнокультурных проекций. Феномен «этнокультурной проекции» понимается автором как механизм перенесения качеств внешнего объекта, явления на субъект. Под внешним объектом подразумеваются сакральные ландшафты, комплексы петроглифов, этнографические экспонаты, а роль субъекта играют предстатели указанных этносов. Этнокультурные проекции проявляются в контексте мифологического восприятия сакральных ландшафтов, воссоздания коллективной памяти в результате осмысления этнографических материалов, различных видов материального и нематериального культурного наследия.

Свойства ландшафта закрепляются в этнической топонимике, которая имеет устойчивость во времени. На примере этимологии традиционных топонимов тунгусо-маньчжурских этносов Приморья А.Ф. Старцев исследует сохранность географических названий – гидронимов, оронимов и ойконимов – в памяти аборигенного населения. В средние века племена воцзи, уцзи, удаха и другие предки современных удэгейцев, нанайцев, орочей и иных аборигенов края расселялись по территории Приморья дисперсно, начиная от границ современной Кореи и вплоть до низовьев Амура, включая все побережье Японского моря, прилегающие территории оз. Ханка, бассейнов рек Сунгари, Уссури и других мест. Аборигены края, осваивая эти территории, называли их с учетом промысловых, природных и этнических особенностей, и сохраняли эти топонимы в своей памяти сотни лет. С изменением этнического состава менялись и географические названия. Это особенно стало заметным с появлением в крае китайских отходников, которые оказали значительное влияние на изменение топонимов в крае, что и было зафиксировано на географических картах и отражено в публикациях отечественных исследователей. Во второй половине 70-х гг. XX столетия было принято решение о замене китайских топонимов в крае, оставляя при этом аборигенную топонимику.

Юг Дальнего Востока России с середины XIX в. (а север – с XVII в.) колонизировался преимущественно славянским населением. Сегодня можно говорить о прочном переплетении элементов коренных и переселенческих культур в структуре ИКЛ. В статье Т.В. Краюшкиной на материале сказочной и несказочной прозы восточных славян, зафиксированной в Приморском крае в XX в., исследуется реализация представлений о культурном ландшафте. Делаются выводы о том, что каждый из исследованных жанров обладает индивидуальным набором представлений о культурном ландшафте и спецификой их реализации, при этом в совокупности жанры фольклорной прозы отражают как мифологические воззрения, традиционную систему представлений о пространстве, так и бытовое восприятие ландшафта, при этом сами реалии наделяются порой противоположными признаками. Реализованные в фольклорной прозе представления о культурном ландшафте апеллируют к ряду духовно-ценностных ориентиров восточных славян.

Надеемся, наша рубрика будет интересна читателю и послужит поводом для дальнейших научных проектов и дискуссий, направленных на анализ формирования и развития культурных ландшафтов Дальнего Востока.

Ю. В. Латушко